

# БЕСПРИМЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ДОКУМЕНТ

ПЕРВОЕ ПОЛНОЕ ИЗДАНИЕ СИБИРСКОЙ ТЕТРАДИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО.

Творческое наследие Ф. М. Достоевского неисчерпаемо. В этом еще раз убеждаешься, перелистывая эту небольшую книжку — первое отдельное, а главное — первое полное издание его знаменитой записной тетради № 1, условно названной советскими исследователями Сибирской тетрадью\*. До этого текст Сибирской тетради публиковался четырежды: дважды до войны — в журнале «Советская этнография» и в сборнике «Звенья», дважды (в качестве приложения) в последние годы — в выходящем сейчас тридцатитомном полном собрании сочинений писателя и в иркутском однотомнике его сибирских материалов.

НО, оказывается, даже такое авторитетнейшее издание, как том академического собрания сочинений, не является в данном случае истиной в последней инстанции. Отдельные записи Сибирской тетради остались в нем неразобранными, в тексте есть пропуски и неточности, комментарии (при всей их ценности) неполны.

Заново прочитать и осмыслить первую из дошедших до нас двенадцати записных книжек великого писателя взялись ленинградский текстолог Т. И. Орнатская и иркутский филолог В. П. Владимирцев. Текст публикуется по подлиннику, который хранится в Москве — в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина. Это, как сказано в примечаниях публикаторов, «28 листов обычной писчей бумаги, сшитых в самодельную тетрадку суровыми и черными нитками, без переплета. Начальные страницы повреждены, запачканы, выцвели от времени».

Перед отправкой в Сибирь Достоевский говорил в прощальном письме брату, которое было отослано после гражданской казни из Петропавловской крепости:

«Неужели никогда я не возьму пера в руки? Я думаю, через 4 года будет возможно. Я перешел тебе все, что напишу, если что-нибудь напишу. Боже мой! Сколько образов, выжитых, созданных мною янвюв, погибнет, угаснет в моей голове или отравой в крови разольется! Да, если нельзя будет писать, я погибну. Лучше пятнадцать лет заключения и перо в руках».

Его, писателя, беспокоили не грядущие лишения, не предстоящее совместное житье с уголовниками, его волновало, сможет ли он делать главное дело своей жизни — писать о

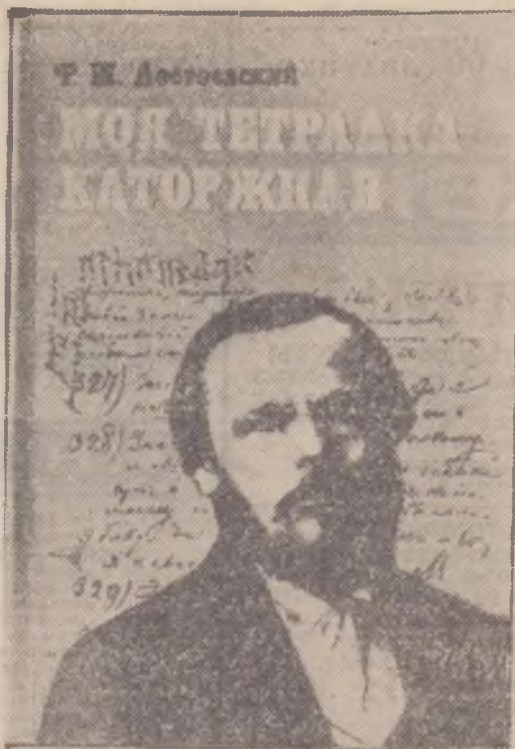
человке, исследовать бесконечные его тайны.

И он смог — в арестантской палате, которую выделил для острога Омский военный госпиталь. Попадал сюда Достоевский, и до острога не отличавшийся крепким здоровьем, часто. К нему, на свой страх и риск, хорошо относился главный доктор госпиталя (или, как тогда говорили, штаб-доктор) Н. И. Троицкий: угощал обедом со своего стола, старался лечить Достоевского по-лучше, задержать подольше.

Доктор этот был человеком честным и твердым, мемуарист пишет о нем так: «Этот, топором срубленный и лыком сшитый, человек действительно вполне достоин был порученного ему места. Он начал службу ординатором в одном из госпиталей новгородского военного поселения (называется, в Старой Руссе) и во время бунта поселен, в 1831 году, избежал смерти по любви подчиненных ему солдат... достиг высокого положения корпусного штаб-доктора, благодаря своим заботам, попечительности и гуманному отношению ко всем больным без исключения, начиная с высшего начальства и кончая последним арестантом — преступником».

Сам же Достоевский в «Записках из Мертвого дома» отмечает: «Старший доктор хоть был и человеколюбивый, и честный человек (его тоже очень любили больные), но был несравненно суровее, решительнее ординатора, даже при случае выказывал суровую строгость, и за это у нас его нан-то особенно уважали».

Именно с вedomо Троицкого писателя-наторжини и вел, находил время от времени в госпитале, свою записную тетрадь (продолженную потом в Семипалатинске). Это было весьма рискованным занятием — и для него самого, и для тех, кто ему помогал. Уже в советское время омский литератор Г. Вяткин привел в своей статье «Достоевский в Омской наторге» рассказ старика-педагога В. А. Иванова о своем отце — госпитальном фельдшере А. И. Иванове. Тот был наказан телесно только за то, что давал



читать Достоевскому газету, причем газета-то эта была русским правительственным официозом, издававшимся в Париже на французском языке.

Воспоминания другого современника сохранили и такой факт. На Троицкого был сделан донос, обвиняющий его в потворстве политическим арестантам. Приехавший из Тобольска следователь допрашивал и Достоевского, интересовался, не вел ли он каких-либо записей. На это писатель ответил:

— Ничего не писал и не пишу, но материалы для будущих писаний собираю.

— Где же материалы эти находятся?

— У меня в голове.

Что же представляет из себя текст Тетради? Это не дневник и не попытка писать сразу нечто готовое и отдельное. Это тетрадь, рассчитанная на будущую работу. В ней собраны меткие народные выражения, образцы фольклора, прибаутки, короткие (для памяти) бытовые сцены, тюремные песни, даже остроумные ругательства, на которые соседил Достоевского по нарам были, надо думать, великие мастера.

Для примера, несколько записей (всего их 523):

«Не слушался отца и матери, так послушайся теперь барабанной шкуры». «Черт трое лаптей сносил, прежде чем их в одно место собрал. Такой народ». «Не хочу в ворота, разбирай заплот». «Вот сделалось у меня запасные колоты, отпарился я в больницу». «Тебя вместо соболл бити можно. Одежи рублей на 100 будет». «Ну и мою Аннушку нельзя перед другими похвалить, нельзя и похулить, а так что из десятина не выкинешь».

В СВОЕЙ статье «Сибирская записная тетрадь Достоевского», вошедшей в книгу, В. П. Владимирцев и Т. И. Орнатская называют Тетрадь

«уникальным памятником русской демократической культуры». Они рассматривают ее гораздо шире, чем было принято до сих пор.

До недавнего времени о Тетради говорили лишь как о рабочих записях, к которым писатель обращался в своем послесибирском творчестве. Конечно, главное ее значение в этом. Около 560 раз встречаются тексты Сибирской тетради в текстах «Записок из Мертвого дома», «Преступления и наказания», «Идиота», «Братьев Карамазовых», «Бесов» и других великих произведений. Не случайно в первом же послекаторжном письме к брату Достоевский заявлял: «Сколько я вынес из каторги народных типов, характеров! Я сжился с ними, и потому, кажется, знаю их порядочно. Сколько историй бродяг и разбойников и вообще всего черного, горемычного быта! На целые тома достанет. Что за чудный народ. Вообще время для меня не потеряно. Если я узнал не Россию, так народ русский хорошо, и так хорошо, как, может быть, не многие знают его».

Но Владимирцев и Орнатская доказывают, что Сибирская тетрадь — не только «словесные запасы» для будущего литературного труда. Исследователи обращают внимание на ее дневниково-биографический характер, на то, что она — «зеркало напряженной мысли Достоевского — литератора».

«Неувядаемо сильная и мужественная, — сказано в заключении их статьи, — Сибирская тетрадь отмечена высшей идеей — единства писателя с народом. Когда читаешь Сибирскую тетрадь, неизменно проникаешься высоким и скорбным уважением к этому беспримерному человеческому документу».

Об одной небольшой неточности, вот уже много лет колючей из одного издания в другое.

Несколько раз в статье Владимирцева и Орнатской упоминается уже знаменитый нам фамилия фельдшера А. И. Иванова и говорится, что именно он прятал Сибирскую тетрадь. Однако данное утверждение, идущее, должно быть, от неточного комментария к 4-му тому полного собрания сочинений писателя, является недоразумением. Прочти исследователи внимательней первоисточник — уже упоминавшуюся статью Г. Вяткина, на которую ссылаются комментаторы 4-го тома собрания сочинений, они увидели бы, что Тетрадь в этой статье даже не упоминается. При подготовке послесловия к иркутскому однотомнику сибирских материалов Ф. М. Достоевского (1981 г.) была допущена аналогичная неточность.

Однако этот частный случай не умаляет заслуг исследователей, значения проделанной ими работы. И совершенно правильно поступили красноярские издатели, выпустив книжку пятидесяти тысячным тиражом.

А. ЛЕВФЕР.

\* Ф. М. Достоевский. Моя тетрадь каторжника (Сибирская тетрадь). Красноярское книжное издательство, 1985.